

РУКОВОДСТВО

АСТРОНАВТА

ПО ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Чему научили меня 4000 часов
на орбите

КРИС

ХЭДФИЛД

Перевод с английского

Москва
2015

7 БАЗА СПОКОЙСТВИЯ, КАЗАХСТАН

Многие считают, что дни перед стартом — самое напряженное время в жизни астронавта. На самом деле все наоборот: неделя до старта или около того — это период, когда мы наиболее близки к безмятежности и спокойствию с профессиональной точки зрения. Одна из причин этого спокойствия заключается в том, что мы не тянем до последнего и не оставляем невыполненных дел до самого старта. Мы годами готовимся к каждой экспедиции, думаем и мечтаем о космическом полете большую часть жизни. Другая причина заключается в том, что эти дни мы проводим в предполетном карантине. Астронавты полушутя называют его «тюрьмой для белых воротничков»; у нас есть охранники, мы не можем покидать территорию, а большинство посетителей вынужденно разговаривать с нами через стекло. Однако мы, конечно, добровольно сидим на этом карантине, мы обеспечены всем необходимым, о нас заботятся и ухаживают так внимательно, что сторонний наблюдатель может никогда не догадаться, что настоящая причина нашего пребывания здесь — медицинская. Главная задача — защитить нас от инфекции на Земле, чтобы мы не заболели и не потеряли работоспособность в космосе.

На орбите даже простой насморк может доставить много серьезных хлопот. В невесомости носовые пазухи не очища-

ются и ваша иммунная система работает менее эффективно, поэтому вы чувствуете себя намного хуже и болеете дольше. Кроме того, в ограниченном пространстве космического корабля заражение инфекцией остальных членов экипажа практически гарантировано. Именно это произошло во время экспедиции корабля «Аполлон-7» в 1968 г. У командира корабля Уолтера Ширра в 11-дневной экспедиции развилась сильная простуда, а к концу экспедиции все три члена команды были настолько больны, что отказались надевать свои шлемы во время посадки. Они опасались, что после входа в плотные слои атмосферы из-за роста давления их барабанные перепонки могут лопнуть, поэтому астронавты хотели выравнять давление обычным способом, который обычный человек использует во время авиаперелета: нужно зажимать нос во время выдоха. И, конечно, они не смогли бы этого сделать, если бы надели свои шлемы, похожие на большие круглые аквариумы. Перебранка экипажа с Центром управления в Хьюстоне велась в крайне раздраженных тонах, и после этого инцидента ни один из трех астронавтов больше ни разу не был отправлен в космос. Спустя годы Ширра появился в рекламном ролике средства против отеков «Актифед», которое он принимал в космосе.

В 1960-е гг. часто случалось так, что астронавтов отправляли в космос в отличном здравии, но спустя день или два после начала экспедиции вирусное заболевание давало о себе знать. Экипажу «Аполлона-12» тоже в итоге пришлось положиться на «Актифед»; все три астронавта «Аполлона-8» переболели гастроэнтеритом, причем на орбите это заболевание переносится еще хуже, чем на Земле. И тем не менее только в 1970 г. в НАСА решили, что, пожалуй, неплохо было бы изолировать экипаж перед стартом. Последней каплей стала экспедиция «Аполлона-13»: за три дня до старта дублеру пришлось заметить одного из членов экипажа, у которого был контакт с носителем вируса кори (правда, он так и не заболел). Уже во время экспедиции, в процессе ликвидации смертельно опасной аварии — серьезного повреждения одного из модулей корабля

в результате взрыва кислородного баллона — другой астронавт из экипажа слег из-за инфекции. После этого случая предполетный карантин стал обязательным.

Когда мы еще летали на шаттлах, в карантине мы проводили шесть или семь дней. Этого времени чаще всего достаточно, чтобы вирус смог себя проявить. В Космическом центре им. Кеннеди условия в наших палатах были спартанскими — маленькие пустые комнаты с комодом и жесткой кроватью, почти как в военных казармах, зато настроение было веселым. Конечно, для членов экипажа старт был знаковым событием, но полеты шаттлов с 7 астронавтами на борту были, можно сказать, регулярными. Отправлять астронавтов в космос для специалистов в Центре им. Кеннеди было делом привычным. К 2011 г., когда программу полетов шаттлов закрыли, было выполнено 135 запусков, большая часть которых не удостоилась даже упоминания в вечерних новостях.

Сегодня, когда единственным кораблем, доставляющим людей на МКС, остался «Союз», и отправляется он не из солнечной южной Флориды, а из пустынной казахской степи, карантин проходит совершенно иначе. Теперь в космос отправляется только дюжина человек в год, и проводим мы там несколько месяцев, а не пару недель, как раньше, а это уже достаточно длинный срок, чтобы начать чувствовать себя на МКС как дома. Кроме того, за столь длительное время нашего отсутствия может что-то случиться и на Земле. Понимание того, что с людьми, которых мы любим, может произойти что-то плохое, пока мы в космосе, и при этом мы ничем не сможем им помочь и даже не сможем пораньше вернуться обратно, придает пребыванию в карантине несколько более формальный и философский характер.

Еще одно отличие в том, что русские, такие строгие и серьезные в своем отношении ко многим вещам, большие любители вынужденного бездействия. На Байконуре в Казахстане мы сидим в карантине дольше, чем у себя на мысе Канаверал, — целых 12 суток, при этом, кажется, в Роскосмосе считают,

что и этого времени недостаточно. Перед нашим последним полетом моего коллегу по команде Романа отправили вместе с его семьей на пять дней за город в санаторий, чтобы он смог расслабиться и отдохнуть, и это еще до карантина. (А по завершении экспедиции космонавтам дают несколько месяцев отпуска, тогда как астронавты возвращаются в Центр подготовки спустя всего несколько недель после возвращения на Землю, хотя, конечно, никто от нас не ждет, что, как только мы переступим порог, тут же взвалим на себя весь объем обязанностей.)

В наши дни карантин проводится не только в медицинских целях, но и в психологических: вынужденный тайм-аут позволяет сделать паузу, сосредоточиться на том, что нам предстоит выполнить, и осознанно начать переход к новому жизненно-му порядку. Эмоционально и психологически карантин — это такая «придорожная гостиница» на пути в космос.

* * *

Когда в декабре 2012 г. мы покинули Звездный городок, чтобы отправиться в Казахстан, перед посадкой в самолет была обычная сумасшедшая кутерьма, но потом, уже в самолете, наступил момент спокойствия и умиротворения. Том, Роман и я направлялись из мрака и неопределенности подготовительного этапа в свет и ясность стартового дня: самолет был полон нашими планами, надеждами и мечтами, казалось, до них даже можно дотронуться. Когда мы начали снижаться, я смотрел вниз в иллюминатор, и открывшийся вид показался мне не слишком привлекательным. Сыр-Дарья темной полосой текла по бурой равнине, по которой были рассеяны низкие утилитарные многоквартирные дома, утыканые спутниковыми тарелками. Открывшийся пейзаж отличался полным отсутствием холмов и небольшим количеством деревьев. Это место выглядело точно так, как выглядит место, в котором падение ракеты не причинит никому неудобств и даже не привлечет внимания.

Байконур — это космодром; космические старты — его основная задача, смысл его существования, при этом в обли-

ке этого места нет ничего даже отдаленно похожего на блестящие футуристические образы космических портов. То же можно сказать и о жизни в этом городе — сезонные экстремальные колебания температуры не способствуют яркой городской жизни. Летом здесь невыносимая жара, но мы прилетели в декабре, и было так холодно, что после нескольких минут пребывания на улице под ярким голубым небом на кончиках моих ресниц образовался иней. На окраинах Байконура через дыры в заборах бродили верблюды, а бездомные собаки выли, чувствуя приближение зимы. Было ощущение, что мы в городе-призраке, застывшем в советском прошлом и источающем запах истории, городе-хвастуне, лишенном фантазии. Дерево, посаженное Юрием Гагариным, первым человеком, побывавшем в космосе, тем не менее буйно разрослось на этой, в общем-то, бесплодной земле.

В первый день моего пребывания там я испытывал чувство нереальности происходящего, отчасти потому, что сам город был немного странным, таинственным и загадочным, но в то же время скучным и неинтересным, но еще и потому, что меня ведь вообще могло здесь не быть. И только регистрация в гостинице «Космонавт» помогла мне наконец поверить, что все это происходит на самом деле. Хотя Байконур не может соперничать с мысом Канаверал в отношении туристических достопримечательностей, нужно отметить, что жилье для членов экипажа здесь оказалось намного просторнее: мне выделили целый номер с несколькими комнатами, в котором даже стояло массивное джакузи. Общая обстановка вызывала в памяти казенное обаяние просторного общежития колледжа. Астронавты и космонавты размещались в одном крыле здания, а вспомогательный персонал и инструкторы — в другом; в холле стояли столы для настольного тенниса и бильярда, внизу — серьезный спортивный зал и столовая. Все в гостинице было безупречно чистым (а на самом деле — стерильным: полы и стены ежедневно протирались специальным средством для удаления микробов), и еда — отличной (повара на кухне

были помешаны на гигиене, так что не было даже малейшего шанса отравиться едой).

На завтрак давали овсянку, йогурт, творог (так русские называют домашний сыр), омлет с красной икрой, хурму и мед, орехи, а из напитков — компот, кофе, чай и цикорий. На обед и ужин подавали разнообразные блюда — домашний суп, рыбу на гриле, котлеты, пельмени (русский вариант равиоли) или манты (турецкие клецки, фаршированные мясом), свежие овощи и приготовленный на заказ десерт. Стоило попросить шоколадное пирожное с орехами, и повара охотно приготовят свежую порцию, напичканную орехами и политую сверху шоколадным соусом.

В первый полноценный день пребывания на Байконуре рано утром мы наконец-то отправились посмотреть наш «Союз» — настоящий корабль, тот самый, который доставит нас в космос. Прошлым летом мы встречались с делегацией конструкторов корабля, чтобы поднять традиционный тост за успех и дружбу: в бокалах при этом был символический глоток ракетного топлива, которое, даже разбавленное водой, по вкусу — чистый керосин: просто ужасный вкус. Корабль, который был спроектирован и построен для нас, отличался от тренажера в Звездном городке; почти после каждой экспедиции конструкция корабля немного дорабатывается. Во время «примерки», то есть проверки и подгонки под наши габариты, мы провели почти час внутри корабля, одетые в скафандры «Сокол». Изучали, где действительно расположены выключатели и органы управления и сколько времени потребуется, чтобы выполнить ту или иную операцию. Мы были удовлетворены: корабль был надежным и знакомым.

Оставшиеся дни в карантине прошли спокойно и безмятежно. Мы занимались делами, не требующими особых усилий, например, паковали личные вещи, которые хотели взять с собой в космос. Это не заняло много времени, так как «Союз» настолько мал, что дополнительный вес заметно влияет на баланс, на то, как он полетит; наши сумки для вещей были

не больше набора для бритья. Мне удалось затолкать в свою сумку новое свадебное кольцо для Хелен, несколько памятных драгоценных украшений, наручные часы для моей дочери Кристин (я брал с собой в предыдущие полеты часы каждого из двоих моих сыновей), семейное фото для моих родителей, несколько гитарных медиаторов, украшенных эмблемой нашей «МКС-35», — все, что я мог раздарить потом друзьям в качестве космических сувениров.

Во время пребывания в карантине мы продолжали физические тренировки, правда, очень осторожно, особенно после того, как один из российских управляющих повредил ахиллово сухожилие во время игры в бадминтон в спортзале. Я знал, что, случись подобное со мной, меня отправят в Хьюстон, а не на МКС. На этом этапе мой отъезд не станет очень большой проблемой для НАСА, так как мой дублер находился здесь же, в гостинице «Космонавт»; дублеры делают все то же самое, что и основной состав экипажа, вплоть до самых последних часов перед стартом. Для гарантии того, что шоу продолжится, даже если случится беда, два экипажа, основной и дублирующий, едут на Байконур в разных автомобилях. Просто на всякий случай.

В нашем деле подготовка никогда не завершается, даже тогда, когда вы уже на МКС, правда, она заметно притормаживается в дни, предшествующие старту. Считается, что мы уже полностью готовы к полету — мы прошли все квалификационные тесты и еще в ноябре по традиции подписали книги в кабинете Юрия Гагарина. Так что на Байконуре мы приняли участие только в нескольких занятиях для того, чтобы кое-что освежить в памяти: например, мы разобрали некоторые выводы и заключения, сделанные по результатам предыдущих экспедиций, и попрактиковались в проведении стыковки «Союза» на портативном тренажере. В целом нагрузка была очень легкой и включала в себя такие мероприятия, как интервью для СМИ (которые мы давали на безопасной, с точки зрения инфицирования, дистанции). Еще мы подписывали бесконеч-

ные подборки фотографий экипажа. Кажется, их было столько, что хватило бы, чтобы раздать каждому жителю России.

Пока резервная команда исследовала местные музеи (со всеми мерами предосторожности, поскольку все остальные люди воспринимаются как ходячие носители болезнетворных инфекций), мы оставались в заточении, читали книги и обсуждали преимущества Wi-Fi (в то время на МКС все еще не закончилась эра медленного модемного Интернета). По вечерам мы собирались и вместе с нашими инструкторами и помощниками отправлялись в баню, русский вариант сауны. После бани часто играли на гитаре и выпивали по глотку виски, как компания друзей со всего мира, объединенная общей миссией.

Повседневная рутина и факторы стресса были исключены, чтобы мы смогли сосредоточиться — эмоционально, умственно и физически — на нашей экспедиции. Поначалу я чувствовал себя немного не в своей тарелке: после стольких лет обучения и тренировок формальные требования к нам вдруг стали очень незначительными, а сложные задачи исчезли. Освобожденный от повседневных обязанностей, таких как самостоятельное приготовление пищи и стирка — а ведь всем астронавтам приходится этим заниматься, если не дома, то по крайней мере в Звездном городке и в дороге, — я решил расслабиться и использовать эту возможность, чтобы собраться с мыслями. Мы с Романом и Томом собирались улететь на несколько месяцев и принять на себя вполне серьезные риски. Лучшее, что мы могли сделать для самих себя, — поразмышлять над этим фактом, чтобы укрепиться в уверенности: да, мы готовы выполнить поставленную задачу.

Чем ближе к завершению был наш карантин, тем увереннее и сосредоточеннее я себя чувствовал. Сильно сомневаюсь, что у меня было бы такое же ощущение готовности, если бы мне сказали: «Отлично, тебе нужно появиться на Байконуре в среду утром. В космос отправишься в полдень». Наверное, весь день до старта я был бы занят беготней и различными делами, которые возникают у каждого перед поездкой: паков-

ка вещей, оплата счетов, возвращение вещей из химчистки. Даже будучи высококвалифицированным специалистом, когда сроки поджимают и вы на всех парах приближаетесь к контрольной дате, обычно вы приходите к ней запыхавшимся, все еще перебирая в уме список дел, и не можете полностью сосредоточиться на предстоящей задаче. Вы можете достигнуть впечатляющих результатов, однако, скорее всего, добьетесь меньшего, чем могли бы, если бы не было спешки. В любом случае, когда к ситуации, требующей серьезного напряжения, я подхожу отлично подготовленным и абсолютно спокойным, то получаю дополнительное преимущество: я могу проживать каждый момент более осмысленно, более полно и могу предвидеть развитие событий вместо того, чтобы реагировать на них постфактум.

* * *

Конечно, чтобы таким способом справиться с мыслями, нужна поддержка многих людей — им предстоит занять ваше место, пока вы будете недоступны в прямом или переносном смысле. Если вам не удастся понять и принять этот факт и вести себя соответственно, учтите, что вы создадите те самые конфликтные и спорные ситуации, которых следовало бы избегать, когда вам предстоит серьезное и важное испытание. Окружающие дадут вам отчетливо понять, что ваша преданность поставленной цели поразительно похожа на упрямый эгоизм.

В течение первых нескольких лет моего пребывания в Хьюстоне я брался за любые поручения от НАСА и ККА, поэтому много времени проводил в дороге. Через какое-то время я начал замечать, что, когда я возвращался домой, меня перестали приветствовать как героя. Дети не бежали наперегонки к двери, чтобы поздороваться. Иногда даже казалось, что они не очень рады меня видеть, особенно если я напоминал им о манерах и правилах поведения. Хелен с удовольствием объяснила мне это загадочное явление. Она поделилась со мной с дипломатической тактичностью, на какую толь-

ко была способна, что я так редко бываю дома, что моя семья научилась жить без меня. И она сама, и дети привыкли делать все по-своему, и на самом деле им уже не очень нравятся мои попытки отмотать время назад. Другими словами, я фактически стал гостем в собственном доме, и теперь мне нужно потратить довольно много времени, чтобы восстановить отцовские связи. А дальше она поинтересовалась, не боюсь ли я оказаться за бортом семейной лодки, беря на себя всю эту дополнительную работу. Действительно ли выполнение этой работы приближает меня к моим профессиональным целям? Или я просто привык говорить «да» работе и «нет» собственной семье?

Похожий разговор у нас уже как-то раз состоялся, когда мы жили в Баготвилле. У нас было трое детей, самому старшему не было еще и пяти лет, а я тратил большую часть своих выходных на дополнительную военную подготовку. Хелен тогда поставила вопрос ребром: «Ты хочешь иметь семью или тебя интересует только карьера? Я буду счастлива дать тебе возможность иметь и то и другое, и я готова выполнять 90% домашних дел, пока снова не найду работу, но я не могу тащить на себе все». Она поддерживала мое добровольное участие в разных мероприятиях, но при этом самым настойчивым образом подталкивала меня к тому, чтобы я начал оценивать в каждом отдельном случае, необходимо ли мое участие в каком-то деле для профессионального развития или я берусь за него просто потому, что хочу. После этого разговора я пытался по-другому расставлять приоритеты и задумываться, как мои решения сказываются на отношениях с Хелен и моими детьми.

В Хьюстоне мне пришлось снова перестроиться. Действительность жизни астронавта такова, что вы проводите в командировках примерно 70% своего времени и не можете сказать ничего определенного о собственном расписании, так что, когда у вас появляется дополнительное свободное время, вам приходится делать выбор, как это время провести, и этот выбор отчетливо показывает вашу признательность семье и желание их увидеть на их условиях от случая к случаю.

Во время карантина, однако, не нужно притворяться, пытайтесь найти баланс между работой и личной жизнью, — ваши семейные обязанности испаряются, и семейная жизнь отодвигается на самый край. В этом весь фокус. Наши с Томом семьи прибыли на Байконур вместе с личным составом ККА/НАСА за три дня до старта и остановились в отеле в двух шагах от апартаментов, в которых разместились наша команда. Нам было разрешено встречаться с женами и детьми, но только по строгому расписанию и только после того, как их осмотрят врачи (и даже после этого нам рекомендовали соблюдать дистанцию вытянутой руки). Потребовалось обстоятельное согласование, чтобы моему брату Дэйву разрешили зайти на полчаса в наши апартаменты, и мы, сидя на безопасной дистанции в разных концах комнаты, смогли вместе поиграть на гитаре и записать песню. Дочери Тома Грэйс, которой было на тот момент 10 лет, даже не позволили находиться в одной комнате с отцом. Считается, что дети до 12 лет особенно подвержены инфекциям, слишком непослушны и своевольны для почти монашеского уклада жизни в карантине. Им позволено общаться с астронавтами, сидящими в карантине, только через звуконепроницаемое стекло при помощи телефона.

Хотя смысл карантина — защитить астронавтов, для наших семей это мероприятие определено не из легких. Для начала им нужно добраться до нас, а в Казахстан не так-то легко попасть, только если вы не из Киргизии. Кроме того, они не только вынуждены полностью подчиниться нашему расписанию, но от них еще требуют следовать традициям, которые могут им показаться не особенно забавными. За день или два до старта, например, мы вместе с членами экипажа и родственниками пересматриваем «Белое солнце пустыни» — советский фильм, главный герой в котором чем-то напоминает Лоуренса Аравийского*. При этом наши близкие могут быть вовсе не в восторге от своеобразной игры актеров.

* Лоуренс — главный герой фильма «Лоуренс Аравийский» (Lawrence of Arabia), повествующего об Арабском восстании 1916–1918 гг. — *Прим. ред.*

Для тех из нас, кому предстоит лететь в космос, подобные ритуалы нужны для того, чтобы взбодриться и следовать предсказуемому порядку дней перед стартом. А вот для наших семей эти традиции скорее дополнительная обязаловка — притом что они и так уже несут тяжкое бремя. Ведь мы не только бросили на наших жен все домашние и семейные дела, но еще и повесили на них ответственность за прием всех друзей и родственников, которые приехали нас провожать. В тот момент, когда мы направляемся к стартовой площадке, спокойные и сосредоточенные на своей миссии, наши супруги испытывают сильный стресс. Как сказал мой коллега Майк Фоссум: «Давайте честно признаем, наши мечты стали для них ночными кошмарами».

Когда летали шаттлы, ситуация была еще более стрессовая. На мой первый полет в 1995 г. мы с Хелен пригласили почти всех наших знакомых вместе с их знакомыми. В итоге собралось больше 700 гостей. «Эй, не хотите отпуск во Флориде? Запуск космического корабля и VIP-бейджики НАСА включены. Хотите? Продано!» Примерно за неделю до самого главного дня орда родственников и друзей высадилась на Кокоа-Бич во Флориде. Даже название этого места способствовало праздничному настроению отпуска, и все отлично проводили время, играя в гольф и гуляя по парку Дисней, резвясь на пляже и во всю предаваясь веселью, пока их друг и родственник астронавт пребывал в заточении. Конечно, мы хотели, чтобы все они отлично провели время, только вот лично моя роль ограничивалась тем, чтобы не погибнуть. Тогда как Хелен организовывала вечеринки, проводила бесконечные завтраки, обеды и ужины и другие мероприятия, давала одно интервью за другим («О да, я так горжусь им!»). Порядок дня превратился в непрекращающуюся тусовку; у людей, понятно, было праздничное настроение и желание общаться, и все они хотели быть как можно ближе к моей семье. Хелен буквально сбивалась с ног.

Запуск на Байконуре в декабре 2012 г. прошел немного по-другому. Мне разрешили пригласить всего 15 человек, вклю-

чая ближайших членов семьи. Кроме того, добраться туда через Россию, к тому же накануне Нового года, стоило очень дорого. Наши близкие друзья и члены семьи, плюс друзья и семья Тома, плюс сотрудники ККА и НАСА заняли гостиницу в Москве. Хелен и Анна, жена Тома, помогли с организацией пеших экскурсий по городу, давали рекомендации, в какой ресторан сходить, и отвечали на бесчисленные вопросы о том, что надеть, как добраться до станции метро и когда отправляется автобус в аэропорт. Хелен сказала мне, что все это походило на организацию большой свадьбы. Не хватало только жениха.

Когда через несколько дней вся компания переместилась в Казахстан на древнем самолете, зафрахтованном НАСА, настроение стало еще веселее. Смена часовых поясов, мороз, который шокировал даже канадцев, и полное незнание языка были, очевидно, отлично компенсированы безумными ночами в значных местах Байконура. Когда Хелен с детьми дружной толпой выбиралась из гостиницы, чтобы встретиться со мной и провести те один-два часа, которые нам позволялось ежедневно проводить вместе, с каждым разом они приносили все более яркие и красочные истории о том, как прошедшей ночью наши благоразумные и работающие друзья и родственники превращались в тусовщиков, обожающих водку и имеющих склонность надевать чужие лифчики себе на голову на манер берета.

Все очень весело проводили время, в том числе и Хелен, правда, ей еще пришлось испытать определенный стресс, связанный с организацией и обеспечением этих недельных каникул, и при этом переживать о том, что какое-то происшествие может отложить намеченный старт. При этом она не волновалась за меня, даже тогда, когда мы проверяли мое завещание. Она полагалась на то, что я буду внимателен к мелочам, как во время запуска, так и после. Кроме того, Хелен реалист: она знает, что космические исследования опасны, что исследователи космоса, бывает, погибают и лишнее волнение на этот счет ничего не изменит. Некоторые жены очень нервничают перед стартом, доводя себя до тошноты, но моя Хелен испы-

тивала только приятное волнение, нарастающее по мере приближения дня запуска корабля, и причина была не только в том, что моя мечта превращалась в реальность. Конечно, была и гордость, и радость, что мне удалось добиться того, чего я хотел, но еще и чувство облегчения. Она была готова вернуться к своей обычной жизни и своим собственным приключениям.

* * *

По счастью, какой-то сообразительный человек в НАСА давным-давно заметил, каким тяжелым бывает время подготовки к запуску для супругов, и выдвинул идею семейных эскортов: вы выбираете двух астронавтов, которые на данный момент не задействованы в подготовке к экспедиции, чтобы один присматривал за ближайшими членами семьи, а второй отвечал за остальных родственников и друзей во время старта. По сути, семейный сопровождающий — это «муж на замену», тот, кто сможет прийти на помощь на Земле во время проведения экспедиции не только на старте, но и позже, когда жизнь остальных членов семьи вернется в нормальное русло. Я несколько раз был таким семейным помощником, и моя работа состояла в том, чтобы сбежать обратно в отель за пропуском, который забыл кто-то из гостей, доставить домой дядюшку, который перебрал на вечеринке, собрать бутерброды, пересчитать головы в туристическом автобусе, попытаться уладить жалобы на то, что в гостиничных номерах слишком жарко или слишком холодно. По сути, я был мальчиком на побегушках, но меня это никогда не беспокоило, в том числе и потому, что мне и самому потребуется кто-то, кто сможет делать все это для моей семьи, если я когда-нибудь снова отправлюсь в космос. В 2012 г. таким помощником стал Джереми Хансен, удостоенный медалей и наград канадский легчик-истребитель и астронавт. Несколько дней перед Рождеством он провел с моими гостями: усаживал их в автобусы, водил по музеям, перевозил их багаж с места на место, помогал обменивать

деньги и поднимал их в 4 утра, чтобы они не пропустили обратный рейс, — и все это он делал с традиционно доброжелательным настроением.

Когда выбираешь семейного помощника, нужно искать не просто астронавта, который наверняка сможет улыбаться и кивать, когда тетя Руби начнет свои разглагольствования на политические темы. Прежде всего нужно подумать о таком астронавте, которого бы вы хотели увидеть рядом со своей женой, если вдруг кто-то из ваших близких умрет, пока вы в космосе, или если ваш корабль взорвется, и в этом случае семейному помощнику придется поддерживать вашу семью месяцы, а может, и годы. Во время моего второго запуска одним из моих семейных помощников был Рик Хасбэнд, и он очень здорово помог моей семье. Во время следующего полета его собственным семейным помощникам, среди которых был астронавт из ККА Стив Маклин, пришлось поддержать его жену в самый трудный период: Рик был командиром шаттла Columbia, взорвавшегося при входе в атмосферу. Соглашаясь выступить семейным помощником, вы знаете, что, возможно, вам придется помогать супруге другого астронавта не только во время шумных вечеринок в честь старта, но и на похоронах и долгое время после них. Помогать в открытии целевого образовательного счета для детей, поддерживать и выступать в защиту семьи во время расследования происшествия. Мне, к счастью, никогда не приходилось заниматься подобными делами, но, когда соглашаешься стать семейным помощником, понимаешь, что такая вероятность есть. И это — огромная ответственность.

Но эту ответственность необходимо принять не только из альтруистических соображений, но и в собственных интересах тоже. Когда приходится бегать в «Старбакс» за заказами гостей и следить, чтобы чей-то дедушка получил свой любимый хлеб без глютена, это очень эффективная проверка для собственного эго. Кроме того, обязанность семейного помощника заставила меня посмотреть на мир глазами чле-

нов семьи астронавта. Моя собственная семья пару раз давала мне понять, что быть ребенком или женой астронавта не так-то просто. Кристин сказала об этом так: «Если твой папа астронавт, то самое интересное, что то, что другие видят в тебе, пока ты растешь, на самом деле к тебе имеет мало отношения, и ты никак не можешь на это повлиять. Тот факт, что твой отец — астронавт, затмевает все остальное, что люди могут увидеть в тебе». Мои дети справлялись с этим испытанием разными способами; все трое сейчас сформировавшиеся взрослые люди, у которых множество своих интересов, живущие полноценной жизнью. Однако мой выбор профессии сделал их взросление в некоторых отношениях более трудным, и исполнение обязанностей семейного помощника помогло мне понять, что многие трудности были общими, а не характерными только для нашей семьи. Помогая семьям коллег в период подготовки к старту, начинаешь лучше понимать те вещи, которые семьи стараются сохранять и которыми им приходится жертвовать не только, пока папа, или мама, или муж находится в космосе, но в течение многих лет до этого.

Начиная с 2007 г. я проводил по шесть месяцев в году в Звездном городке, а кроме того, проходил подготовку в США, Японии, Германии, Канаде и Казахстане. Дома я был всего 15 недель в году и потому пропускал множество дней рождения и праздников. Мое расписание неизбежно создавало трудности для близких людей. Избежать этого было никак нельзя, но я старался предугадать потенциально отрицательные последствия и пытался сообразить, как их избежать. Еще задолго до карантина я пытался найти способ отблагодарить близких за их усилия, вознаградить их и поделиться с ними своим успехом.

Перед своим вторым полетом на шаттле я оказался в карантине на 16-й день рождения моего сына Эвана. Это важный день в жизни подростка, поворотный момент, начиная с которого он может получить водительские права и официально вступает во взрослую жизнь. Но шумиха и суета, сопрово-

ждающая мою подготовку перед полетом в космос, оставила в тени его день рождения, и Эван был сильно огорчен. Находясь в карантине, я был огражден от этой черной тучи, так что Хелен пришлось взять удар на себя. Хотя она не преминула рассказать мне об этом во время одного из своих визитов, на которые у нее была привилегия.

Откровенно говоря, я не подумал о последствиях выбора даты полета. И теперь, когда времени оставалось мало, я мог попытаться сделать его день рождения особенным любимым способом, несмотря на карантин. В общем, в нескольких из тех многочисленных телефонных интервью, которые я раздавал, я объявил, что мы зажжем самую большую свечу в мире — двигатели ракеты-носителя шаттла, чтобы отметить день рождения Эвана. Это попало в новости, так что Эван услышал объявление, как, впрочем, и все остальные, кто его знал. А перед тем, как забраться в Endeavour, я взял в руки и показал всем плакат, на котором от руки было написано: «С днем рождения, Эван!» К счастью, журналисты заметили этот мой жест, и рассказ об этой милой семейной истории попал в СМИ. Эван был счастлив, ну или по крайней мере немного счастливее.

Я усвоил этот урок. Перед своей последней экспедицией я взял календарь и все спланировал: «Хорошо, меня не будет дома на День святого Валентина, так что лучше я напишу открытку и куплю подарок уже сейчас, когда могу все предусмотреть и осуществить задуманное, чтобы все оказалось на своем месте в свое время». Спланировав все заранее, я хотел показать людям, которые давали мне возможность заниматься моей работой, что я не отношусь к этому как к чему-то само собой разумеющемуся. Произнесение пышных тостов в знак благодарности своим близким и любимым за их поддержку будет недостаточным, если вы снова и снова будете упускать удобный случай, чтобы выразить свою признательность в реальном времени, а не постфактум.

В немалой степени благодаря тому факту, что молчаливое страдание не принималось за добродетель ни одним из ближай-

ших членов моей семьи, я вскоре осознал, что могу компенсировать дисбаланс, создаваемый моей работой, единственным справедливым способом — если буду предвидеть критические моменты в своей работе и стараться заранее отплатить своей семье услугой за услугу. Например, каждый год, когда дети были еще маленькими, я брал их с собой в отпуск на 10 дней. Мы отправлялись в Европу, путешествовали по Большому Каньону, погружались с аквалангом на островах Флорида-Кис. Эти поездки сближали нас, а Хелен могла отдохнуть. Обычно в эти дни она оставалась дома и ходила на работу, но говорила, что эти каникулы были одними из лучших в ее жизни, и называла их «одна тарелка в раковине». А когда я отправлялся на встречу с общественностью в какое-нибудь экзотическое место, где выступал с речами о нашей космической программе и объяснял журналистам, чем мы занимаемся и почему это так важно, мы с Хелен все внимательно продумывали, чтобы со мной смог поехать кто-то из наших детей и посмотреть достопримечательности, пока я работаю, а по вечерам мы могли бы вместе поужинать. Большинство таких поездок были жутко утомительными. Одно интервью за другим. Шесть или семь мероприятий в один день не были чем-то особенным. А потом приходилось работать в самолете по дороге домой. В несколько таких поездок нам удалось отправиться вместе, и это оказалось полезно для нашей семьи, потому как после них каждый смог по-настоящему понять, что, когда я в отъезде, я вовсе не оттягиваюсь, пока они торчат дома. Пиар-блиц будет веселым, только если вы его сделаете таким, и, по моему опыту, это было крайне трудно без Хелен и наших детей. К сожалению, через какое-то время они это поняли и стали требовать ознакомить их с маршрутом и расписанием, прежде чем соглашаться на поездку.

По-моему, просто говорить время от времени «спасибо» людям, от которых вы требуете реальных жертв ради того, чтобы вы смогли добиться своих целей, явно недостаточно. Не только веселые и яркие события вроде каникул могут пока-

зять ваше отношение к семье. Вам также придется приложить все усилия, чтобы создать условия, которые дадут вашему партнеру возможность время от времени собраться с мыслями. Это не просто, но возможно при внимательном планировании, вне зависимости от пределов ваших амбиций или требований вашей работы. В конце концов, некоторые астронавты становятся супругами других астронавтов и создают семьи и при этом каким-то образом находят способ, невзирая на свою работу в космосе, справиться с ситуацией.

Когда у вас имеется надежный тыл, а у меня он всегда был таким, может случиться, что вы начнете относиться к этому как к данности, станете эгоистичным и будете считать, что только ваши нужды первостепенны. Я пытался защититься от такого поворота дел, предоставляя Хелен возможность планировать наше время всякий раз, когда в моем расписании появлялось окно, причем не важно, включали ее планы лично меня или нет. Кроме того, я считал себя обязанным активно искать любую возможность провести время вместе. Утром по воскресеньям, например, независимо от любых намеченных на этот день планов, мы с Хелен старались вместе выгулять собаку, потом отправлялись пить кофе и отгадывать воскресный кроссворд в *The New York Times*. Я уделял первостепенное внимание домашним, считал, что проводить время с семьей — такая же обязанность, как участвовать в совещаниях на работе, и это помогало мне показать людям, которые много значат для меня, что они действительно мне небезразличны.

Да и мне самому это доставляет удовольствие.

* * *

Соблюдение испытанных временем предполетных традиций позволяет нам почувствовать себя частью клана, и в последние часы, проведенные в карантине, нам пришлось последовать множеству из них. И некоторые оказались не столь колоритны, как другие. В ночь перед стартом нам пришлось поставить себе клизму, а потом, через соответствующий интервал

времени, еще одну. Хотя эти часы нельзя назвать лучшими на моем пути исследователя космоса, проделать эти процедуры было предпочтительнее, чем испачкать подгузник на следующий день. Потом врач взял мазок со всех частей моего тела — за ушами, с языка, из промежности, чтобы проверить, нет ли какой инфекции, и затем протер меня всего спиртом, на всякий случай.

19 декабря я надел голубой летный костюм и отправился на мой последний в 2012 г. завтрак на Земле. Завтрак этот был больше ритуалом, чем приемом пищи. Мы с Томом и Романом ограничились чистой водой и небольшой порцией жидкой овсянки. Ели мы с сардоническими размышлениями о том, что можем увидеть все это снова через несколько часов, ведь послестартовая рвота — обычное дело. И еще мы знали, что отдельного туалета нам не видать в ближайшие два дня, пока мы не доберемся до МКС. Чуть позже мы отправились в небольшую комнатку для того, чтобы поднять тост в узком кругу с нашими женами и представителями руководства каждого из космических агентств, связанных с нашим полетом, — ККА, НАСА и Роскосмоса. Мы все сказали несколько слов, и те из нас, кому предстояло лететь на «Союзе», подняли бокалы с имбирным лимонадом, а не шампанским, а затем все присутствующие сели и провели минуту в тишине. Русские всегда так делают перед любой поездкой, летят ли они в космос или собираются к друзьям на дачу. Это такой способ отметить важность текущего момента.

Мы были почти готовы покинуть здание, в котором мы прожили почти две недели. В качестве прощания мы оставили свои автографы на дверях карантина, добавив наши имена к множеству других, затем спустились вниз к выходу. Там нас ждал священник, с головы до ног облаченный в черное, и его помощник с бадьей воды в руках. Мы стояли перед священником, позади нас — резервный экипаж, и священник погружал что-то, сильно похожее на конский хвост, в бадью, а потом брызгал на нас водой. Он прилично нас намочил, пока благословлял.

Мы отправились к автобусу, который должен был нас доставить к скафандрам, ракете и следующей главе нашего повествования. Все гости, приглашенные на запуск, выстроились в ряд, махали флагами и приветствовали нас, желали счастливого пути и топали ногами. Был ясный солнечный день, но было жутко холодно, около -25°C . Задерживаться на морозе с мокрыми головами явно не стоило, поэтому, постояв минуту и помахав зрителям, мы забрались в автобус и продолжили махать на прощание. Глядя сквозь окно, я пытался найти взглядом детей, жену, запомнить их. Я надеялся, что они смогут увидеть благодарность и любовь в моем взгляде, пока автобус, в котором было натоплено до духоты, медленно ехал к воротам гостиницы.

Итак, мы отправились в путь.